

свалилась балка и пришибла его насмерть. А как его, убитого, принесли домой, Адельхайда сразу от горя и ужаса впала в горячку, да так от нее и не отошла. Она вообще-то не отличалась здоровьем, бывало, и сама не поймет, во сне что-то с ней было или наяву. А тут мало-мало месяц прошел со смерти Тобиаса, а мы уж и Адельхайду схоронили. Люди и так уж судили да рядили о горькой судьбе обоих, а тут стали поговаривать, сперва тихо, а потом и громко, что это, мол, кара дяде за его безбожную жизнь. Ему это даже в глаза говорили, и пастор все взывал к его совести, уговаривал покаяться, но он только еще угрюмее да строптивее становился и вообще уже ни с кем не разговаривал. Ну и люди тоже его сторонились. И вдруг стало известно, что дядя ушел в горы и не желает спускаться. Вот с тех пор он там и живет — в разладе с Богом и с людьми.

А ребеночка Адельхайды мы с мамой взяли к себе, девочке тогда только годик исполнился. Но прошлым летом моя мама померла, и мне пришлось поехать в Бад-Рагац на заработки, а девочку я на лето отдала старой Урсель в Пфэфферсердорфе. Конечно, я могла бы и на зиму остаться в Рагаце, там всегда найдется работа, я ведь и шить, и штопать мастерица, да из-за девчонки не вышло. А весной опять приехали господа из Франкфурта, те самые, у кого я в прошлом году работала, и они опять позвали меня с собой. Так что послезавтра мы уезжаем. Место, доложу я тебе, очень даже хорошее.

— А ребеночка ты, значит, хочешь этому старикану оставить? И что ты себе думаешь, Дета? Разве ж такое возможно, разве ж это по-божески? — укоризненно проговорила Барбель.

— А ты что себе думаешь? — вскинулась Дета. — Я свое для этой девчонки уже сделала, да и куда мне с ней деваться-то? Разве ж могу я взять с собой во Франкфурт ребенка, которому еще и пяти годков нет? А кстати, ты куда это идешь, Барбель? Мы ведь уж полдороги протопали!

— А я как раз и пришла, куда мне надобно, — отвечала Барбель. — Мне с Козьей Петершей поговорить охота. Она зимой мне прядет. Ну, будь здорова, Дета, счастливо тебе!

Дета протянула руку приятельнице и подождала, покуда та войдет в маленький темно-коричневый домик, стоявший

в небольшой впадинке в нескольких шагах от тропы, где он был надежно защищен от горных ветров. Если считать от Деревеньки, хижина эта находилась на полпути к альпийским пастбищам, и прямо счастье, что стояла она во впадинке, ибо это была такая ветхая развалюха, что жить в ней казалось просто опасно, ведь когда дует фён¹, двери в хижине, и окна, и балки — все ходит ходунном и дрожмя дрожит. Если бы хижина стояла наверху, на пастбище, ее бы оттуда попросту сдуло.

Здесь жил Козий Петер, одиннадцатилетний мальчуган, который каждое утро являлся в Деревеньку за козами и гнал их вверх, на пастбище, чтобы они до самого вечера лакомились там горными травами. Затем Петер со своими легконогими козами спускался в Деревеньку и, свистнув в два пальца, ждал, покуда хозяева разберут коз. Обычно за козами приходили мальчишки и девчонки, потому что козы — не страшные звери. И за все лето это была для Петера единственная возможность поговорить с себе подобными, ведь он общался только с козами.

Дома его ждали мама и слепая бабушка, но так как по утрам он уходил из дому ни свет ни заря, а возвращался из Деревеньки уже затемно (больно уж хотелось ему поболтать с деревенскими ребятишками!), то дома он бывал ровно столько времени, сколько требуется, чтобы утром и вечером выпить молока с хлебом и завалиться спать. Его отец, которого тоже звали Козьим Петером, поскольку в юности он тоже пас коз, лет пять назад погиб во время рубки леса. Его вдову, мать Петера, все звали Козьей Петершей, а слепую бабушку и стар и млад так и звали бабушкой.

Дета подождала минут десять, все озираясь по сторонам, не видно ли где детишек с козами. Но их нигде не было. Она поднялась еще немного выше, откуда лучше была видна округа, и вновь принялась в нетерпении озираясь. Дети между тем шли по широкой боковой тропе. Петер хорошо знал, где его козочек ждут вкусные, сочные травы и кусты. Потому-то и вел он свое стадо окольными путями. Девочка сперва с трудом карабкалась за ним, ей было жарко и очень неудобно в своих теплых одежках. Она выбивалась из сил. Однако ни слова не говорила, только пристально смотрела то на Петера, который босиком, в легких штанах резво

прыгал по камням, то на тонконогих коз, которые еще резвее скакали через кусты и камни и даже умудрялись взбираться по отвесным склонам. Потом вдруг девочка опустилась наземь, быстро скинула с ног тяжелые ботинки и чулки, вскочила, сорвала с себя толстый красный платок, расстегнула платье, мгновенно сняла его и точно так же поступила со вторым. Дело в том, что тетя Дета поверх ее обычной одежки напялила на племянницу и воскресное платье, чтобы не тащить его в руках. Теперь на девочке осталась только легкая нижняя юбка и рубашонка без рукавов. Девочка с наслаждением подставляла солнцу голые руки. Сложив снятые вещи в кучку, она вприпрыжку помчалась за козами, догнала Петера и пошла с ним рядом, словно закадычная подружка. Петер не видел, что делала девочка, когда отстала от него, но теперь, увидав ее уже в новом обличье, он весело рассмеялся. Оглянувшись, Петер увидел сложенные кучкой одежды. Лицо его расплылось в улыбке. Вот уж поистине рот до ушей, хоть тесемочки пришей.

Но он ни словечка не проронил. А девочка, чувствуя себя теперь легко и свободно, завела с ним разговор, и Петеру волея-неволей пришлось отвечать на множество ее вопросов. Девочке хотелось знать, сколько у него коз, куда он с ними идет и что он там будет делать. Так, за разговорами, дети наконец добрались до хижины Петера, где лицом к лицу столкнулись с тетей Детой. Но при виде этой парочки Дета всплеснула руками и запричитала:

— Боже праведный, Хайди, что ты наделала! Что за вид у тебя? Где твои платья, где платок? А ботинки? Я же тебе новые ботинки купила, горные, и чулки новые связала! А теперь все, все пропало! Да скажи же мне, Хайди, куда ты вещи подевала?

Девочка спокойно показала пальцем вниз:

— Вон они!

Тетка посмотрела туда, куда указала Хайди. И верно, там лежала какая-то кучка. И сверху красное пятно, должно быть, платок.

— Ох ты, горе мое! — в сердцах крикнула Дета. — И что это тебе в голову взбрело раздеваться?

— А мне все это не нужно, — отвечала девочка. По ее виду нельзя было сказать, что она очень уж раскаивается.

— Ах ты, горемыка неразумная, видать, ты еще совсем ничего в жизни не понимаешь, да? — продолжала причитать тетка. — Да ведь туда спускаться добрых полчаса! Давай-ка, Петер, слетай туда мигом и принеси ее вещички, живей-живей, чего уставился? Да не стой ты как истукан!

— Я и так нынче припоздился, — медленно проговорил Петер и засунул руки в карманы.

— Нечего тут на меня глаза таращить! Ты, похоже, никуда бежать не собираешься, так? — напустилась на него Дета. — А вот и зря, тебе может кое-что перепасть, вот видишь это? — она показала ему новенькую монетку в пять пфеннигов. Монетка ослепительно блестела.

Тут Петер сорвался с места и ринулся вниз кратчайшим путем. Он несся огромными скачками, и вот уже он возле Хайдиного барахлишка, — хватать! — и в мгновение ока вернулся назад. Дета принялась нахваливать Петера и вручила ему монетку. Он спрятал ее в карман и расплылся в широкой улыбке. Ему нечасто перепали такие сокровища.

— Ты еще поможешь донести эти вещички до Горного Дяди, тебе ведь все равно туда надо, — заявила тетка Дета, собираясь карабкаться на гору, высившуюся за хижинной Козьей Петерши.

Петер охотно взялся за новое поручение и последовал за теткой, держа в левой руке узелок, а в правой хворостину, которой погонял коз. Хайди и козы радостно прыгали рядом с ним. Таким вот образом через три четверти часа они добрались до горного пастбища, где на выступе скалы стояла хижина Горного Дяди, доступная всем ветрам и всем лучам солнца. Отсюда открывался широкий вид на долину. Позади хижины росли три старые ели с длинными разлапистыми ветвями, которые, конечно, здесь никто и не думал подрезать. А за елями начинались прекрасные, богатые травами холмы, а уж за ними высились старые серые скалы.

Рядом с хижинной Горный Дядя поставил скамейку, сидя на которой можно было смотреть на долину. Здесь он и сидел, держа в зубах трубку и обеими руками упершись в колени. Старик спокойно наблюдал, как карабкались вверх козы, дети и тетка Дета. Дети и козы намного опередили Дету. Первой добралась до места

Хайди. Она сразу же направилась к старику, протянула ему руку и сказала:

— Здравствуй, дедушка!

— Так-так, и как же это прикажете понимать? — грубо спросил старик, коротко пожал протянутую руку и уставился на девочку долгим пронизательным взглядом.

Хайди ответила ему столь же долгим взглядом, ни разу даже не моргнув, потому что дедушка с длинной бородой и лохматыми бровями, сросшимися на переносице и похожими на частый кустарник, был такой чудной, что девочка, конечно же, должна была его как следует разглядеть. Между тем Дета с Петером тоже добрались до хижины. Мальчик замер, наблюдая, что же будет.

— Доброго вам здоровьичка, дядя, — пропела Дета, подходя поближе. — Вот, привела к вам ребеночка Тобиаса и Адельхайды. Вы, небось, и не узнаете ее, вы же ее последний раз видали, когда ей только еще годик был.

— Так-так, а что, спрашивается, ребенку у меня делать? — сразу сказал старик. И тут же обратился к Петеру: — Эй, ты, бери своих коз и ступай отсюда, да моих прихвати, ты сегодня что-то поздненько.

Петер послушался и сразу же исчез, уж больно он боялся, когда старик так долго на него смотрит.

— Придется девчонке у вас остаться, дядя, — заявила Дета. — Я и так с ней целых четыре года возилась. Теперь ваш черед, пора и вам о ней немножко позаботиться.

— Так-так, — проговорил старик, бросив на Дету сверкающий взгляд. — А что, ежели девчонка начнет скучать по тебе, ныть, хныкать, как все малые да неразумные дети, что мне тогда прикажешь делать?

— А это уж ваша забота, — отвечала Дета. — Меня ведь тоже никто не учил, как с ней быть, когда она у меня осталась на руках. А мне ведь еще мать и себя обиходить надо было. Но теперь я нашла хорошую работу, а ближе вас у ребенка нет никого. Так что, ежели вы не желаете ее при себе держать, то делайте с ней что хотите. Ну а коли с ней что приключится, то спрос, ясное дело, будет с вас, только, я думаю, вы не захотите еще один грех на душу взять.

Конечно, совесть у Деты была нечиста, поэтому она так и горячилась и сказала куда больше, чем собиралась. При ее последних словах старик поднялся и смерил ее таким взглядом, что она невольно попятилась. Затем он вытянул руку и процедил сквозь зубы:

— Убирайся отсюда, да поживее, и чтобы духу твоего здесь больше не было!

Дета не заставила его повторить это дважды.

— Что ж, счастливо оставаться, — сказала она. — И тебе тоже, Хайди!

И тетя Дета припустилась с горы рысцей и неслась так до самой Деревеньки, волнение гнало ее не хуже, чем сила пара гонит паровоз. В Деревеньке ее опять стали зазывать со всех сторон, все хотели узнать, куда же подевался ребенок. Дету здесь все знали, знали и чья это девочка, и что случилось с ее родителями. Из всех дверей и окон звучал один и тот же вопрос:

— Где девочка, Дета? Куда ты девала ребенка?

А Дета очень неохотно отвечала:

— Она наверху, у Горного Дяди! У Горного Дяди, я вам говорю! Вы что, не слышали?

Очень скоро ее взяла досада, потому что женщины со всех сторон кричали ей:

— Да как ты могла так поступить!

Или:

— Ох, горемыка!

Или:

— Такую беспомощную малютку оставить у этого старика!

Дета бежала со всех ног и рада была, что уже ничего больше не слышит, потому что у нее самой на душе кошки скребли. Мать на смертном одре препоручила девочку ей. Но, стараясь успокоить свою совесть, она говорила себе, что, ежели у нее будет много денег, ей легче будет сделать для малютки что-нибудь доброе. Как же хорошо, что скоро она окажется вдали от всех этих людей, которые только и знают, что судачить за ее спиной. Ну ничего, зато теперь у нее будет хороший заработок!

ГЛАВА II. У ДЕДУШКИ

Когда Дета скрылась из виду, старик снова уселся на лавку и задымил своей трубкой. Он сидел, опустив глаза, и не говорил ни слова. А Хайди тем временем с интересом озиралась вокруг. Присмотрев пристроенный к дому сарайчик для коз, заглянула туда. Там было пусто. Девочка продолжила свой осмотр и зашла за дом, где стояли старые ели. Налетевший вдруг сильный ветер завыл и зашвистал в верхушках елей. Хайди замерла и прислушалась. Когда ветер немного утих, девочка обошла хижину с другой стороны и опять приблизилась к деду. Он все еще сидел в той же позе. Хайди встала прямо перед ним и, заложив руки за спину, принялась внимательно его разглядывать! Старик поднял глаза.

— Что ты хочешь? — спросил он девочку, неподвижно стоящую перед ним.

— Хочу посмотреть, что там у тебя в доме, — храбро сказала Хайди.

— Ну что ж, пойдем! — Старик поднялся и пошел к дому. Уже в дверях он обернулся и приказал девочке: — Захвати свой узелок с платьями!

— Они мне больше не нужны! — решительно заявила Хайди.

Старик смерил девочку пронзительным взглядом. Ее черные глазенки сияли в предвкушении того, что она увидит в доме.

— А она не так уж глупа, — вполголоса произнес старик. — Почему же они тебе больше не нужны? — спросил он уже в полный голос.

— А мне больше нравится ходить, как козы: они так здорово лазают по горам!

— Это можно, — сказал старик. — Но вещички ты все-таки возьми, мы их в шкаф положим.

Хайди послушалась. И вот дедушка открыл дверь, и Хайди вошла за ним в довольно большую комнату. Эта комната была единственной в доме. Там стоял стол, а возле него стул. В углу была постель, в другом углу над очагом висел большой котел. В одной из стен виднелась дверь. Старик открыл ее. Это оказался шкаф. Там висела одежда, на одной полке лежали рубашки, носки и платки, а на второй стояли тарелки, чашки и стаканы. На самой верхней полке лежал круглый хлеб, копченое мясо и сыр. В этот шкаф вмещалось все, чем владел Горный Дядя, и все, что ему было нужно для жизни.

Едва он открыл дверцу, как Хайди подскочила к шкафу и зашвырнула свой узелок подальше, за дедову одежду, чтобы его не так просто было оттуда достать. Затем она внимательно оглядела комнату и осведомилась:

— Дедушка, а где я буду спать?

— А где хочешь, — ответил дед.

Это пришлось по нраву Хайди. Она заглянула во все углы, обследовала каждый закуток в поисках места, где ей хотелось бы спать. В углу напротив дедовой кровати стояла маленькая стремянка. Хайди влезла по ней на чердак, где лежало много свежего ароматного сена и сквозь круглое оконце открывался дивный вид на долину.

— Здесь хочу спать! — крикнула Хайди. — Здесь так хорошо! Иди сюда, дедушка, посмотри, как тут хорошо!

— Да знаю, знаю, — донеслось снизу.

— Сейчас я сделаю себе постель! — крикнула девочка, принимаясь сновать взад и вперед по чердаку. — А ты, дедушка, иди

сюда и принеси мне простыни, на постель обязательно нужны простыни, без них нельзя спать!

— Так-так, — проговорил дедушка и, немного подумав, начал рыться в шкафу.

Наконец среди своего белья он отыскал довольно большой кусок грубого полотна, который вполне мог сойти за простыню, и отнес его на чердак. Там уже была устроена настоящая постель. Ровная, с возвышением для головы. С этой постели можно было, не вставая, смотреть в круглое оконце.

— Молодчина! — похвалил старик внучку. — А вот тебе и простыня, ага, погоди чуток!

Он взял большую охапку сена и сделал постель вдвое толще прежнего, чтобы девочке было помягче.

— Вот, теперь можешь стелить.

Дед передал девочке кусок полотна, Хайди сразу его схватила, но оно оказалось таким тяжелым, что она едва смогла его удержать. Однако это было не так уж плохо — сквозь толстую грубую ткань сено не будет колоться. Они вдвоем расстелили полотно на сено, и Хайди деловито подоткнула концы. Теперь постель выглядела чистой и аккуратной. Хайди в задумчивости смотрела на нее.

— Мы еще что-то забыли, дедушка, — проговорила она.

— И что же мы забыли?

— Одеяло. Потому что, когда ложишься спать на простыню, надо укрываться одеялом.

— Ты так считаешь? А если у меня нет одеяла? — спросил старик.

— Не беда, — успокоила его девочка. — Можно и сеном укрыться.

И она уже собралась принести себе еще сена, но тут старик сказал:

— Постой-ка. — Он спустился вниз и вскоре принес на чердак большущий тяжелый полотняный мешок. — Разве это не лучше, чем сено?

Хайди изо всех сил старалась развернуть мешок, но никак не могла с ним справиться. Дед пришел ей на помощь, и вот уже постель была постелена по всем правилам.

Хайди с восторгом оглядела свое ложе:

— Какое чудесное одеяло, и вообще вся постель такая красивая! Я хочу, чтобы скорей была ночь!

— А я полагаю, нам с тобой не мешало бы перекусить, — сказал дедушка. — А ты как думаешь?

За хлопотами с постелью Хайди обо всем на свете позабыла, но едва дед упомянул о еде, как у девочки проснулся аппетит. Она сегодня ничего не ела, только рано утром проглотила кусочек хлеба с жидким кофе, а путь проделала немалый.

— Я тоже так думаю!

— Ну, раз уж мы с тобой думаем одинаково, то пошли вниз, — сказал старик и стал спускаться вслед за девочкой.

Затем он подошел к очагу, отодвинул висевший на цепи большой котел и повесил маленький котелок, а сам уселся на круглый табурет с тремя высокими ножками и раздул яркое пламя. Вскоре в котелке что-то забулькало. Старик протянул к огню на длинной железной вилке большой кусок сыра и держал его до тех пор, пока сыр со всех сторон не покрылся золотисто-желтой корочкой. Хайди с напряженным вниманием следила за стариком. Вот еще что-то новое, это надо запомнить. И вдруг она вскочила и бросилась к шкафу.

Когда дед с котелком и поджаренным сыром на длинной палке подошел к столу, тот был уже накрыт. Посредине лежал круглый хлеб, стояли две тарелки, лежали два ножа, все очень аккуратно, честь по чести.

— Так-так. Вот хорошо, что ты сама действуешь, — одобрил ее дед и положил сыр на хлеб, как на тарелку. — Но кое-чего тут на столе еще не хватает.

Хайди учуяла вкусный пар из котелка и поспешила опять к шкафу. Там стояла одна-единственная плошка. Хайди недолго думая схватила ее и еще два стакана.

— Вот молодчина, не теряешься! А где ты собираешься сидеть?

На единственном стуле уже сидел дедушка. Хайди подскочила к очагу, схватила обеими руками трехногий табурет и приволокла его к столу. Затем не без труда уселась на него.

— Так-так, теперь тебе есть на чем сидеть, что верно, то верно, да только так тебе очень низко, — сказал дед. — Для моего стула ты тоже еще очень мала, до стола не дотянешься. Надо что-то придумать! Вот что мы сделаем!

С этими словами он встал, налил молока в плошку, поставил плошку на свой стул и пододвинул его к табуретке. Теперь его стул служил Хайди столом. Старик положил на стул большой ломоть хлеба и кусок золотистого сыра.

— Ешь!

Сам же он уселся на угол стола и принялся за еду.

Хайди припала к плошке с молоком и пила, пила, никак не могла напиться, ибо после долгого путешествия ее мучила страшная жажда.

— Вкусное молоко-то?

— Сроду такого вкусного не пила, — отвечала Хайди.

— Дай-ка я еще тебе налью, — сказал старик и снова до краев наполнил плошку.

Девочка с наслаждением впилась зубами в хлеб с мягким, как масло, сыром. Это было до ужаса вкусно! Хайди запивала это чудо молоком, и вид у нее был страшно довольный.

Когда с едой было покончено, дед отправился наводить порядок в хлеву. Сперва он аккуратно все подмел метлой, потом насыпал свежей соломы, чтобы козам было мягко спать. Затем он пошел в сараюшку, вырезал там два круглых чурбачка и положил на них доску. Получилось что-то вроде дедушкиного стула, только много выше. Хайди следила за дедом, онемев от удивления.

— Как по-твоему, Хайди, что это такое?

— Это мой стул. Какой высокий! Надо же, как быстро ты это сделал! — задыхаясь от удивления и восторга, пробормотала девочка.

— Девчонка понимает, что видит, у нее глаза там, где надо, — пробурчал дед себе под нос, расхаживая с молотком, гвоздями и кусочками дерева и то тут, то там вбивая гвозди. Он что-то укрепил на двери сарая, еще где-то что-то подправил и починил. Хайди неотступно следовала за ним, не сводя с деда внимательных глаз. Все происходящее безмерно ее занимало.

Между тем настал вечер. В старых елях опять зашумело, поднялся сильный ветер, он с воем и свистом раскачивал их верхушки. Эти звуки так пришлись по сердцу Хайди, что она принялась весело скакать под елями, словно переживая невесть какую радость. Дед стоял в дверях сарая и смотрел на девочку. Вдруг раздался пронзительный свист. Хайди замерла на месте, а дед вышел из сарая. Сверху стремительно, словно от погони, бежали козы, а за ними Петер. Хайди с радостным воплем кинулась навстречу утренним знакомым. Поздоровалась с Петером и с козами тоже. Добежав до хижины, стадо вдруг успокоилось, и из него сами вышли две стройные козочки, белая и бурая. Они подошли к дедушке и принялись лизать его руки. Встречая по вечерам своих коз, он всегда брал в руки немного соли. Петер погнал свое стадо дальше. Хайди нежно гладила обеих козочек, прыгала вокруг них вне себя от счастья.

— Они наши, дедушка? Обе наши? Они пойдут в хлев? Они всегда будут с нами? — так и сыпала вопросами Хайди, а дед едва успевал отвечать: «Да, да. Да!»

Когда козы наконец слизали всю соль, старик сказал:

— Пойди принеси сюда свою миску и хлеб!

Хайди мигом принесла все, что было велено.

Старик тут же надоил от белой козочки полную плошку молока, отрезал кусок хлеба и сказал:

— А теперь поешь и ступай наверх спать! Тетка Дета оставила узелок для тебя, там твои рубашонки и еще какие-то вещи. Если тебе это нужно, то все лежит внизу, в ящике. А мне надо загнать коз! Ступай спать!

— Доброй ночи, дедушка! Доброй ночи... Дедушка, как их зовут? Как их зовут? — вслед старику закричала девочка.

— Белую зовут Лебедкой, а бурую — Медведкой, — отвечал старик.

— Доброй ночи, Лебедка, доброй ночи, Медведка! — во весь голос крикнула Хайди, потому что козы уже скрылись в хлеву.

Хайди села на лавку и принялась за хлеб с молоком, но ветер был такой, что ее едва не сдувало с лавки. Быстро покончив с ужином, она вбежала в дом и сразу полезла к себе на чердак.

Едва улегшись на свою душистую постель, Хайди мгновенно уснула, да так крепко и сладко, как можно спать только в королевской постели. А вскоре, когда еще даже не совсем стемнело, улегся спать и старик, поскольку утром он поднимался вместе с солнцем, а оно в эти летние дни вставало над горами очень рано. Ночью дул такой ветер, что хижина дрожмя дрожала, а балки громко скрипели. В трубе завывало, казалось, там кто-то жалобно стонет. Ели раскачивались так, что многие ветки ломались и падали наземь.

Среди ночи старик встал и сказал вполголоса:

— Она, чего доброго, может испугаться!

Он поднялся на чердак и посмотрел на спящую Хайди. На небе светила луна, но тут ее заволкло облаками, и сразу стало темно. Однако вскоре луна опять заглянула в круглое оконце, и свет упал на постель Хайди. Девочка спала под своим тяжелым одеялом, подложив руку под голову, щечки ее покраснелись, ей явно снилось что-то хорошее. Старик долго смотрел на спящее дитя, покуда луна вновь не скрылась за тучами. Тогда он спустился вниз и снова лег.

ГЛАВА III. НА ПАСТБИЩЕ

Ранним утром Хайди проснулась от громкого свиста. Когда она открыла глаза, золотистый солнечный свет падал сквозь круглое оконце на ее постель, на сено. Весь чердак казался золотым. Хайди удивленно озиралась, не понимая, где это она. Но тут снизу послышался басовитый голос деда, и она сразу все вспомнила. Какое счастье, что теперь она будет жить здесь, на альпийском пастбище у дедушки! А не у старой Урсель, которая почти ничего не слышит и все время мерзнет, так что ей приходится вечно сидеть или в кухне у плиты, или в комнате у печки. И Хайди тоже приходилось все время торчать где-то поблизости, поскольку Урсель была туга на ухо. Хайди порой делалось невмоготу, ей было тесно в четырех стенах, хотелось выбежать наружу, на вольный воздух. Как же она обрадовалась, проснувшись нынче на новом месте и вспомнив, сколько всего нового она увидела вчера! И сегодня она все это опять увидит! И главное — Лебедку и Медведку. Хайди вскочила с постели и мгновенно нацепила на себя все, в чем была вчера, — прямо скажем, немного. Затем она спустилась с чердака и выбежала из дому. Там уже стоял Козий Петер со своим стадом,

а дедушка как раз выгонял из хлева Лебедку с Медведкой. Хайди бросилась ему навстречу, спеша поздороваться и с козами, и с дедушкой.

— Хочешь тоже пойти на выгон? — спросил дед.

Хайди запрыгала от радости.

— Только сперва надо хорошенько помыться, а то солнышко тебя засмеет, ежели увидит, какая ты чумазая. Вот гляди, я тут для тебя все приспособил.

И дед указал на большую кадку с водой, стоявшую на солнышке у двери. Хайди прыгнула в кадку и принялась там плескаться и скрестись, покуда не засияла чистотой. А дед между тем зашел в хижину и крикнул оттуда Петеру:

— Иди-ка сюда, козий генерал, да прихвати свою торбочку с хлебом.

Удивленный Петер пошел на зов и протянул старику торбочку со своим скудным обедом.

— Развяжи! — распорядился старик и сунул в торбочку краюху хлеба и такой же кусок сыра. Петер от удивления вытаращил глаза: эти оба куса были куда больше его собственной порции. — Так-так, сюда и плошка войдет, — продолжал старик, — ребенок ведь не может пить молоко, как ты, прямо из вымени. Надоишь девочке две плошки на обед, потому как она пробудет с тобой весь день. Да смотри, чтоб она со скалы не свалилась, слышишь?

Тут как раз вбежала Хайди.

— Дедушка, а дедушка, теперь солнышко уже не будет надо мной смеяться? — живо спросила она.

Девочка так рьяно вытиралась грубым полотенцем, которое дед оставил возле кадки, что лицо, шея и плечи были у нее красными, как вареный рак. Уж очень она боялась насмешки солнца. Дед улыбнулся.

— Нет, теперь ему уже не над чем смеяться, — успокоил он ее. — А знаешь что, Хайди? Вечером, когда вернешься, тебе надо будет опять залезть в кадку и поплескаться там, как рыбка. А то, когда целый день ходишь с козами, ноги делаются черные-пречерные. Ну, теперь можете отправляться!

До чего же радостной была дорога вверх, на выгон! Утренний ветер унес с собою последние ночные облачка. Небо было ярко-синим, солнце заливало сиянием зеленые луга, голубые и желтые цветы поворачивали к солнцу свои головки. Хайди прыгала и визжала от восторга. Каких только цветов тут не было! И изящный красный первоцвет, и восхитительная синяя горечавка, и золотистый ладанник с нежными лепестками смеялся и кивал навстречу солнцу. Захваченная красотой луговых цветов, Хайди позабыла о козах и даже о Петере. Она вприпрыжку мчалась вперед, то и дело бросаясь в разные стороны навстречу то красному, то желтому сиянию. Ей хотелось поспеть повсюду. Она рвала цветы и складывала их в свой передник. Она все их возьмет домой и усыплет ими сено в своей чердачной спальне, чтобы там было так же красиво, как здесь. Петеру нынче приходилось все время быть на чеку, и его круглым глазенкам, обычно не очень быстрым, сегодня было много работы. Ибо козы вели себя так же, как Хайди, — они тоже прыгали туда и сюда, и мальчику приходилось непрерывно свистеть, кричать и работать хворостиной, чтобы собрать их всех вместе.

— Куда ты опять девалась, Хайди? — крикнул он почти уже свирепо.

— Я здесь! — донеслось откуда-то.

Но Петер ее не видел, так как Хайди сидела на земле за маленьким холмиком, заросшим ароматными цветами под названием «божья помочь». Воздух вокруг был напоен этим ароматом. Никогда в жизни Хайди еще не приходилось вдыхать ничего более прекрасного. Она сидела среди цветов и буквально пила этот воздух.

— Идем со мной! — крикнул Петер. — Не то свалишься со скалы, а это нельзя. Горный Дядя запретил!

— А где тут скалы? — осведомилась Хайди, не трогаясь однако с места, уж больно приятно обвевал ее ветерок сладостным ароматом «божьей помочи».

— Да вон они! Пошли скорее, нам еще далеко идти! Там, на самом верху, живет орел!

Это помогло. В мгновение ока Хайди вскочила и побежала к Петеру с полным передником цветов.

— Хватит с тебя, — сказал Петер, когда они вновь карабкались вверх. — А то ты опять где-нибудь застрянешь. И потом, если ты нынче все цветы соберешь, тебе на завтра не останется.

Последний довод подействовал на Хайди, да и передник ее был уже полным-полнехонек. Это верно, надо и на завтра что-то оставить. Козы теперь шли не так беспорядочно, они уже издали учуяли дивный запах трав с высокогорного пастбища, и их неудержимо тянуло туда. Пастбище, куда Петер гнал своих коз, лежало у подножия высоких скал, внизу заросших кустарником и елями, их острые голые верхушки вонзались прямо в небо. С одной стороны пастбище обрывалось в глубокое ущелье, так что дедушка был прав, предостерегая детей. Добравшись до места, Петер снял с плеча свою торбочку и аккуратно положил ее в небольшую ямку, чтобы уберечь от внезапных и очень сильных здесь порывов ветра. Петер знал, как это бывает, — налетит ветер, и тогда ищи-свищи! Затем он разлегся на солнышке — отдохнуть после подъема. Хайди между тем сняла передник, полный цветов, аккуратно его скатала и положила в ямку рядом с припасами Петера, затем она под села к мальчику и стала озираться. Далеко внизу во всем блеске летнего утра лежала долина. Потом глазам девочки предстало большое снежное поле на фоне темно-синего неба, за полем высились чудовищные каменные глыбы, справа и слева от них в синеву вонзались зубчатые каменные столбы. Хайди сидела, безмолвно глядя по сторонам. А кругом царил глубокая, торжественная тишина. Легкий ветерок нежно касался прелестных голубых колокольчиков и сияющих солнцем цветов ладанника, которых тут было видимо-невидимо. На своих тонких стебельках они радостно склонялись то в одну, то в другую сторону.

Петер уснул после трудов праведных, а козы разбрелись по кустам. Никогда прежде у Хайди не было так хорошо на душе. Она упивалась золотым снегом, свежим воздухом, нежным ароматом цветов и трав, и ничего ей больше не хотелось, только бы остаться тут навсегда. Так она сидела долго-долго, не сводя глаз с высоких скал, и ей уже начинало казаться, что каждая из них имеет свое лицо и все эти лица дружелюбно смотрят на нее, Хайди.